

Песня "Вдоль по Питерской" навсегда срослась с именем Шалаяпина. Благодаря концертным гастролем певца, великолепной записи она прославилась на весь мир, вошла в репертуар всех басов и стала любимой русской песней. Кажется, что существовала эта песня испокон веков. Кажется, не найти более сочную и захватывающую картину народной жизни, в которой так отчетливо отразился бы русский национальный характер. А кто же, как не Шалаяпин, был чистейшим воплощением этого характера?

А между тем певец пришел к этой песне только на шестом десятке своей жизни. И сама песня в том виде, в котором мы ее знаем, возникла только в 20-е годы нашего века.

Разумеется, Шалаяпин с юности знал популярные песни-тройки своего времени. Да и как не любить их тому, кто любит рискованные ситуации, быструю русскую езду, чья душа вечно тоскует по удали, по лихачеству! Сколько раз он мчался на тройке в загородные рестораны — Яр, Стрельну! Спутники Шалаяпина хорошо знали, с каким удовольствием он поет во время быстрой езды. Под настроение это случалось и в Москве, и даже в Шанхае, когда рики катали его по набережной Янь-цзы.

Троечной стихии отвечала широкая натура певца, его постоянное стремление к лидерству. Недаром, изображая перед фотообъективом в момент дружеского озорства шуточную тройку, Шалаяпин встал коренником, а Горького и Манухина взял в пристяжные. Транспортные конторы прямо-таки воевали за такого знаменитого клиента. Хозяин лучших московских троек Житарев прямо на концерте кинул певцу подарок записную книжку в драгоценной оправе с адресом и телефонной своей конторы.

Катание на тройке было для Шалаяпина величайшим наслаждением. В дружеской компании он часто мечтал о таких незабываемых мгновениях:

"На Волгу бы теперь махнуть! По заснеженному поземкой льду, с залихватским ямщиком, верст с десять по речному простору пролететь, чтоб в ушах звенело, дыхание замирало и щеки бы леденели! Вот было бы удовольствие!"

Шалаяпина бесконечно огорчало то, что его друзья художники, композиторы, поэты были равнодушны к тройке. В гостях у Гиляровского он упрекал в этом и К. Коровина, и В. Брюсова:

"Кстати, Костя, "Снегурочку" ты оформил поразительно: и морозным воздухом в ней дышишь, и ароматом клейкой весенней зелени, что дурманит голову... а вот нашу милую родную тройку я что-то у тебя не помню? Может, случайно не видел?"

— У вас, Валерий Яковлевич, я тоже стихов о русской тройке не припомню, хотя за сборниками вашими слежу".

Если просмотреть репертуар Шалаяпина, опубликованный в известном трехтомнике, то мы найдем там много и народных и авторских песен-троек".

"Колокольчики-бубенчики" Е. Кашперовой,

"Ну, быстрый летите кони" В. Бакалейникова,

"Вот мчит тройка удалая",

"Вот на пути село большое",

"Однозвучно гремит колокольчик",

"По пыльной дороге телега несется",

"Степь да степь кругом",

"Тройка мчится, тройка скачет".

В архиве Ирины Федоровны Шалаяпиной удалось обнаружить сильно потрепанные ноты песни "Эй, вы, залетные", к которым Шалаяпин, видимо, имел прямое отношение.

Однако мы не встретим этих троек ни в одной его печат-

Шалаяпин и русские тройки

ной или рукописной программе. Видимо, "тройки" считались "эстрадно-разбитым" жанром, и Шалаяпин не рисковал дразнить серьезных музыкальных критиков. Труднее объяснить, почему не осталось свидетельств об исполнении Шалаяпиным троек в неофициальной обстановке. Ведь сохранились же упоминания о том, как он пел старинные романсы.

Долгие годы Шалаяпину приходилось утверждать и поддерживать статус первого оперного певца, которому не пристало опускаться до разгульных уличных песен. И только в тесном кругу, в веселый час, он мог себе позволить спеть "На последнюю пятерку", "Эх, распошел" и другие популярные "тройки". Однако современники видели в этом исполнении скорее озорство, чем чудо, которое стоило бы навсегда запомнить.

Погружаясь в оперный басовый репертуар, он все больше сживался с трагическими и драматическими ролями, в то время как веселые, подвижные вещи если и встречались, то принимали у него сатирический оттенок. Образ русского рубахи-парня, лихого ямщика, казалось бы, столь биографически близкий ему, долго отсутствовал в его концертной палитре. К тому же в исполнении троек Шалаяпину противостояли талантливейшие любимцы публики П. Богатырев, С. Садовников, А. М. Давыдов.

Так или иначе, но то, что лежало на поверхности национального характера, что с таким успехом звучало на эстрадах и в самых знаменитых ресторанах, многие годы просто не привлекало Шалаяпина всерьез.

Отношение Шалаяпина к русским песням, и к троякам тоже, меняется в 1910-е годы, когда в России поднялась новая национально-патриотическая волна. На эстраде появляется целая плеяда новых певцов в народном жанре: Н. Плевицкая, М. Комарова, Н. Тарасова, с русских песен начинается даже Ю. Морфесси.

Как раз в эти годы начинается очередной "троечный бум". Образы смерти, скорби и страдания, долго доминировавшие в русском искусстве, показались вдруг исчерпанными. Обращение к земным радостям было своеобразной реакцией на длительное засилье сумрачных настроений. Отсюда новый интерес к народным песням и к троякам в первую очередь. Шалаяпин все чаще поет народные песни в своих концертах, хотя пока что лишь в "бисовой" их части. Скорее всего как раз в это время серебряных дел мастер Милоков дарит певцу серебряный подстаканник, на котором изображена мчащаяся тройка.

У всех эстрадных певцов появляются в это время "тройки", написанные для них персонально. Однако у Шалаяпина своей троякой долго не было. Хотя как символ движения, русской удачи, национального характера она давно уже мощно неслась в его жизненном и творческом сознании, не давала успокоиться на достигнутом:

"Я помнил, что меня ждет у крыльца моя русская тройка с валдайским колокольчиком, что мне спать некогда, — надо

мне в дальнейший путь!.."

Первые свидетельства современников об исполнении Шалаяпиным троек появляются только в предреволюционные годы и связаны исключительно с исполнением песни "Вдоль по Питерской" в неофициальной обстановке: один раз — в гостях, другой раз — в Кисловодске, на знаменитом "пятакче", у источника. Но Шалаяпин в этом случае пел совсем не ту песню, которую мы все хорошо теперь знаем по записи. Она возникает лишь в годы эмиграции.

Концертируя по Европе и Америке, Шалаяпин остро почувствовал, что в его программах не хватает номера, который стал бы эмоциональным гвоздем концерта. Американская и европейская публика, знавшая русское искусство по гастролем капеллы Агренева-Славянского, цыганских хоров, русских эстрадных певцов, откровенно ждала и от Шалаяпина такого веселого, лихого, удалого, на какое способна только загадочная Россия.

Все русские народные песни, которые он пел в концертах на родине, были слишком серьезные, часто грустные, драматические и даже трагические. Вот тут-то Шалаяпин и нашел, точнее говоря, создал новую песню. Ею стала его, шалаяпинская, песня-тройка "Вдоль по Питерской". Методом монтажа он мастерски соединил в единое целое две русские песни и одну малороссийскую. Как нам удалось выяснить, все они были взяты из репертуара русских певцов и хоров. "Вдоль по Питерской" и "Не лед трещит" Шалаяпин мог слышать в исполнении капеллы Д. Агренева-Славянского, а "Я вечерю млад" пела Н. Плевицкая. Но при соединении возникла совершенно новая, четвертая песня, прославившая и Шалаяпина, и Россию.

11 июля 1924 года Шалаяпин уже записывал свою "тройку" в английском городке Хеймс на фирме "His Master's Voice" с симфоническим оркестром под управлением Юджина Гусенса. С этого же времени он стал включать песню в программы своих концертов.

Тем не менее, первая запись песни не стала удачей Шалаяпина. В ней еще не отшлифовались ни слова, ни мелодия. Тяжеловесным оказался симфонический аккомпанемент. Да и сама трактовка была не свободна от оперных штампов. Шалаяпин будто бы поет песню не от себя, а от некоего оперного персонажа, например, Еремки из "Вражьей силы". Отсюда элемент не всегда уместного комикования, куража и сарказма.

Ничего подобного уже нет в записи 1929 года, сделанной 13 июня для той же компании под управлением А. Ньютона. Оркестр балалаек создает в этой записи задиристый и вместе с тем воздушный музыкальный фон. Более рельефными стали драматургические контрасты, появились мелодические кульминации. Но главное, Шалаяпин поет теперь песню от себя, как бы воплощая идеальное представление о русском характере, убедительно отождествляя себя с национальным героем. Не случайно запись 1929 года понравилась и самому Шалаяпину, о чем он писал дочери Ирине.

В эмиграции тройка выросла в сознании Шалаяпина в образ горячо любимой России, по которой он так тосковал. Какие бы картины Родины он ни вспоминал, будь то бесконечные просторы или снега, сразу же всплывали слова песни "Вдоль по Питерской". Не удивительно, что тройку он видел даже во сне: "Мне снится, что я еду прекрасным сосновым лесом на русской тройке, со звучным валдайским колокольчиком под дугой. Сам правлю. И мне очень хорошо..."

Елена и Валерий УКОЛОВЫ.